

Герман ДИЛИГЕНСКИЙ

Герман Германович Дилигенский (1930, Москва — 2002, там же) — социопсихолог, политолог, историк — один из наиболее талантливых российских ученых-гуманитариев XX века. В 1952–1964 годах работал в Институте всеобщей истории АН СССР, в 1964–1982 годах — в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, в 1982–1987 годах — в Институте международного рабочего движения, с 1987 года — снова в ИМЭМО.

Г.Г. Дилигенский — основатель нового направления в российской общественной науке — **социально-политической психологии**, объединившей те направления социальной психологии, которые выходят на социетальный уровень, с проблематикой политической психологии, используя при этом и достижения макросоциологии и политологии.

Задачей социально-политической психологии, по Дилигенскому, является изучение не только механизмов взаимодействия индивидов, но и конкретно-исторического содержания психологических феноменов и определяемого ими поведения. Переходя на макроуровень, многие такого рода явления приобретают важные новые черты, а то и меняют свой характер. Это преобразование является естественным результатом взаимодействия психической сферы человека с конкретным обществом в его развитии. Дилигенский отвергал подход, сводящий психические процессы к познанию реального мира. Он обратил внимание на важность мотивационной стороны макропсихологических процессов, в том числе их аффективного аспекта.

Мотивационная сторона макропсихологических процессов определяется, утверждал он, прежде всего потребностями. Ценности, часто играющие роль решающего элемента политического сознания, суть осознанное выражение потребностей. Вместе с тем выбор политических ориентаций — многофакторный процесс. Большинство делает политический выбор, считал Дилигенский, не на ценностных, а на прагматических основаниях. В этом случае ценности приобретают инструментальный характер. Прагматический выбор достаточно противоречив, так как противоречив личный и групповой политический опыт, на который этот выбор опирается.

Потребности выявляются не только через сферу сознания. Нельзя недооценивать, полагал Дилигенский, и роль подсознания в их проявлении и в возникновении психологических феноменов. Он подчеркивал важнейшую роль социальной идентификации, отождествления индивида с социальной группой как мощного фактора его политического выбора. Превращение индивидуальных и групповых потребностей в потребности социально-политические происходит только тогда, когда их удовлетворение зависит от общественной сферы. При этом осознание политических интересов в той или иной мере основано на их ассоциации с личностями лидеров или политической организацией.

Г.Г. Дилигенский определял социально-политические потребности как экстраполяцию индивидуальных и групповых потребностей в макросоциальную и политическую сферы. Процесс переноса не сводится к простому суммированию индивидуальных потребностей. Включаются разного рода психологические закономерности, вызывающие замещение, вытеснение отдельных элементов, образующие в итоге качественно новый феномен — социально-политический интерес, который и образует основу прагматического выбора.

Предложенная Дилигенским типология потребностей учитывала специфику этого нового феномена. Выделено несколько укрупненных групп: потребности физического существования, социального существования, потребность в позитивных межличностных отношениях, потребность в актив-

ном отношении к окружающей среде. При этом потребности физического существования касаются не только материальной его стороны, но и включают заинтересованность в обеспечении собственной безопасности. Потребности социального существования связаны со статусными требованиями, а позитивные межличностные отношения имеют в виду морально-этический, познавательный, деятельностный аспекты.

В разных обществах соотношение между данными группами потребностей, указывал Дилигенский, не может не быть различным. Если в феодальном и раннекапиталистическом обществах на первом месте оказывалась потребность обеспечения безопасного личного существования, защиты от всяческих угроз, полноценного включения в существующее общество, то в современном демократическом мире на первый план выходит потребность в интенсивном развитии, социальном и индивидуальном.

Не отрицая рационального зерна концепций А. Маслоу и Р. Инглхарта о движении человечества от элементарных потребностей к потребностям высшего порядка, Дилигенский показал, что последние отнюдь не замещают и не вытесняют первичные, но чаще всего сочетаются с ними.

Введенное Дилигенским понятие «базовой напряженности» означало конфликт, возникающий то в латентном, то в более явном виде, между базовыми потребностями социального бытия людей: потребностью в объединении с другими и потребностью в автономии, выделении из общественной среды, т.е. столкновение общественной природы человека с подавлением его индивидуальности со стороны социума. Такой конфликт и возникающая на его основе базовая напряженность организуют собой всю систему потребностей социального бытия человека, которая является мотивационным ядром психологического комплекса.

Раньше многих других российских исследователей Дилигенский понял утверждение в западных странах индивидуализма нового типа, основанного на потребности в автономии личности, но предполагающего и новый тип социальности, основанный на самоидентификации не с одной большой группой, но с несколькими большими и малыми группами.

Многое сделано им и для понимания специфики российской идентичности. Глубокое понимание не только сложности и противоречивости социально-политической психологии, но и особенностей исторического развития страны дали ему возможность прийти к многостороннему и взвешенному пониманию сущности и потенциальных путей постсоветской эволюции России. Он отвергал упрощенные подходы в духе транзитологии или всеобъясняющего цивилизационного подхода, но утверждал, что гибридность и переходность постсоветского российского общества может закрепиться надолго.

Отмечая авторитарный характер установившегося в России режима, он задавался тем не менее вопросом о том, каковы пути и возможности демократизации нашего общества. Мыслимы, отмечал он, два основных фактора такого преобразования: возможности, заложенные в институциональных структурах, и потенциал социальных акторов. В российских институтах присутствуют,

считал он, конструктивные элементы: частная собственность, более или менее рыночные механизмы распределения, гласность, плюрализм, выборы, относительная стабильность власти, широкие полномочия высшего руководства. Но он ясно видел несовершенство, противоречивость российских институциональных структур, понимал, что использовать их модернизационный потенциал крайне сложно. Последующее развитие с избытком это подтвердило.

С точки зрения социально-политической психологии, подчеркивал Г.Г. Дилигенский, неприемлем узкий взгляд на институты как сущности, ограничивающиеся одним структурным компонентом. Не менее важную роль играет «мягкий компонент» — нормы, писанные и неписанные, и образцы поведения, принятые в обществе. Именно эта сторона институциональной характеристики российского общества создает значительные трудности для макрореформ, серьезных социально-политических трансформаций. Российское общество находится в состоянии «деинституционализации», т.е. в нем отсутствует единая и определенная идейно-ценностная и нормативная система.

Дилигенский отрицал представление о россиянах как природных коллективистах. Традиционный коллективизм общинного типа, указывал он, интенсивно использовался большевиками и в результате ушел в прошлое, оставив лишь следы: сохранившуюся в памяти нации, теперь уже чисто вербальную ценность, проявляющуюся в присущей национальному характеру потребности в компанейском общении. Уже в позднесоветское время вербальный коллективизм не мешал людям быть законченными индивидуалистами. Индивидуализм «адаптационного» типа вынуждался объективными социально-политическими обстоятельствами

В позднесоветское время индивидуализм противоречил официально провозглашаемым нормам, а в постсоветские годы, констатировал Дилигенский, он сам становится нормой — не для всех, но для значительного большинства. При этом постсоветский «нормативный» индивидуализм, как правило, отличается от индивидуализма, типичного для стран Запада, поскольку он лишен понимания отношений взаимной зависимости и ответственности, связывающей индивида с другими людьми и обязывающей его считаться с их правами и интересами. Его сознание ограничено пределами своего «я» и не приобрело того качества, которое З. Фрейд именовал «сверх-Я».

Активные социальные связи, отмечал Дилигенский, в постсоветском обществе существуют обычно лишь между родственниками, друзьями, близкими знакомыми, то есть хорошо знающими друг друга людьми. Способность к объединению, к солидарным действиям — качество, практически отсутствующее у индивидуалистов российского типа, и это порождает у них комплекс слабости. Этому способствует и присущий постсоветскому обществу когнитивный вакуум, отсутствие такой информации, объясняющей суть происходящих событий и явлений, которая была бы доступна и понятна обывателю. Тем самым для массовых слоев и групп образом социальной действительности становится хаос, и рациональный выбор поведения чрезвычайно затруднен. Наиболее осознаваемой общественной потребностью становится «восстанов-

ление порядка». Лишь меньшинство оказывается способно к активной адаптации и тем более к выработке ориентации на максимальный экономический и социальный успех. Наиболее массовой реакцией оказывается пассивное терпение.

Естественно поэтому возникновение стремления найти покровителя — авторитарное государство, которое обеспечит реализацию ценности неидеологического или даже доидеологического характера — «порядка». Так возникает негативный политический консенсус — отказ от активного участия в делах государства, отказ от демократизации, возлагание всех надежд на власть. Для большинства россиян демократия является условным общественным идеалом, мало связанным с отношениями и структурой власти. Его содержание — либо свобода по-русски («воля»), либо социальная защита. Характерный для россиян «диффузный национализм» выражается в недовольстве падением международного веса страны. Соглашаясь с мнением, что эти слабости — наследие традиционной политической культуры, Дилигенский искал возможности ее изменения, сосредоточив внимание на проблеме субъекта модернизации.

Находящаяся у власти элита, указывал он, мало способна к выполнению позитивной роли ведущей силы общества. В силу своего происхождения из советской номенклатуры она не в состоянии содействовать формированию социальных норм современного типа, предъявлять обществу образцы поведения.

Постсоветский средний класс мало похож на западный и глубоко дифференцирован по своему идейно-психологическому облику. Для его большинства характерно лишь объективное и субъективное сходство (типологический уровень общности), но не осознание группового единства. Меньшинство осознает эту общность (идентификационный уровень), но группа в целом не поднимается до солидаристского уровня — способности к объединению и совместному действию.

Отметив неблагоприятную ситуацию на макроуровне, Дилигенский сосредоточил поиски на уровне индивида, в повседневной общественной практике. Субъектом изменений, доказывал он, может стать креативное меньшинство зарождающегося среднего класса. Об этом свидетельствует определенный комплекс представлений о социальной реальности и своем месте в ней, который характерен для ее идентичности.

Дилигенский показал, что это креативное меньшинство в своей профессиональной сфере проявляет качества социально ответственных граждан, инициаторов новых социальных практик, от благотворительности до распространения разного рода инноваций. Исследователь возлагал надежды на этих людей как потенциальных социальных акторов, деятельность которых со временем может выйти на социетальный уровень и повлиять на позицию верхов.

Герман Германович Дилигенский принадлежал к числу ученых, научное влияние которых распространялось далеко за пределы возглавляемого им в ИМЭМО РАН коллектива. Он был всегда открыт для новых идей и щедро

делился своими, остро чувствовал новое, широко мыслил, соединяя конкретные эмпирические исследования с высоким уровнем теоретического обобщения, умел в доступной широкому читателю и слушателю форме ярко и доступно излагать самые сложные теоретические вопросы. Как руководитель он чутко и бережно подходил к первым опытам своих коллег, поддерживал самое ценное в их начинаниях. Он заложил основания научной школы, дал импульс развитию в России исследований социально-политических процессов и роли человека в политике.

В целом исследования Г.Г. Дилигенского серьезно продвинули вперед не только изучение особенностей российской идентичности, но и теоретическую основу понимания макропсихологических аспектов социально-политического развития современного общества.

Литература

Дилигенский Г.Г. 1969. *Рабочий на капиталистическом предприятии: Исследование по социальной психологии французского рабочего класса*. М.: Наука. 410 с.

Дилигенский Г.Г. 1976. Проблемы теории человеческих потребностей. — *Вопросы философии*. № 9. С. 30–43.

Дилигенский Г.Г. 1977. Проблемы теории человеческих потребностей. Статья вторая. — *Вопросы философии*. № 2. С. 111–123.

Дилигенский Г.Г. 1986. *В поисках смысла и цели*. М.: Издательство политической литературы, 255 с.

Дилигенский Г.Г. 1991. Конец истории» или смена цивилизаций. — *Вопросы философии*. № 3. С. 29–42.

Дилигенский Г.Г. 1994. *Социально-политическая психология*. М.: Наука. 304 с.

Дилигенский Г.Г. 1998. *Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование)*. М.: ИМЭМО РАН. 134 с.

Дилигенский Г.Г. 2002. *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 235 с.

Дилигенский Г.Г. 1997. Российские архетипы и современность. — *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М.: Интерцентр. С. 273–279.

Дилигенский Г.Г. 1997. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 5–16.

Дилигенский Г.Г. 1999. Индивидуализм старый и новый. (Личность в постсоветском социуме). — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 5–15.

Дилигенский Г.Г. 2002. Глобализация в человеческом измерении. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 7. С. 5–15.

Интервью Г.Г. Дилигенского (июль 2000 года). 2016. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 9. С. 98–103.

Холодковский К.Г. 2002. In memoriam. Герман Германович Дилигенский. — *Социологическое обозрение*. Т. 2. № 2. С. 100–105.

Холодковский К.Г. 2003. Мыслить социально-политически. — *Отечественные записки*. № 1. Эл. ресурс. Доступ: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_41.html (спроверено 07.03.2017).

К.Г. Холодковский